

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

a

Александр Волков

**ВСЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЭДЛИ И ТОТОШКИ**

ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА

**УРФИН ДЖЮС
И ЕГО ДЕРЕВЯННЫЕ СОЛДАТЫ**

СЕМЬ ПОДЗЕМНЫХ КОРОЛЕЙ

Москва
алгоритм
2019

УДК 82-34-93
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442
В67

Иллюстрации Николая Радлова, Александра Шурица, Виктора Бахтина

Волков А. М.

В 67 Все приключения Элли и Тотошки. Волшебник Изумрудного города ; Урфин Джюс и его деревянные солдаты ; Семь подземных королей / Александр Волков. — М.: Детский книжный, Алгоритм, 2019. — 544 с. : ил.

ISBN 978-5-907120-35-8

В 1939 году впервые увидела свет сказочная повесть Александра Волкова «Волшебник Изумрудного города» с рисунками замечательного художника Николая Радлова. Герои книги стали одними из самых любимых у читателей детского и юношеского возраста. В сборник вошли еще две сказочные повести Волкова, где главным героем является девочка из Канзаса Элли («Урфин Джюс и его деревянные солдаты» и «Семь подземных королей»). О самом авторе известно крайне мало, его имя даже не упомянуто в большом биографическом словаре «Русские писатели XX века». Настоящая книга восполняет этот существенный пробел литературной жизни России, публикуя наиболее полную автобиографию Волкова.

На отдельных страницах рядом с иллюстрациями приведены отзывы детей, их бабушек и дедушек о первых впечатлениях после прочтения сказки об Элли и ее верных товарищах Страшиле, Железном Дровосеке и других. Иногда эти письма грустные, даже трагические, но именно они говорят о непреходящей ценности данной книги.

УДК 82-34-93
ББК 84.2(2Рос=Рус)-442

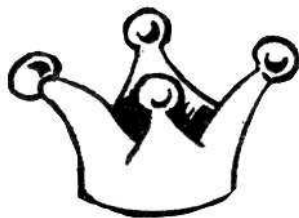
© А.М. Волков, текст наследники, 2019
© А.Д. Шуриц, иллюстрации, наследники, 2019
© В.В. Бахтин, иллюстрации, наследники, 2019
© ООО «Агентство Алгоритм», оригинал-макет, 2019

ISBN 978-5-907120-35-8

© ООО «Детский книжный», 2019

ИСТОРИЯ О ЖИЗНИ

Автобиография писателя

В старое время дворяне вели свои родословные от далеких предков, живших несколько столетий назад. Мое родословное дерево уходит корнями в не столь отдаленную эпоху — в начало прошлого века.

Жили в разных концах обширной Российской империи два труженика, два хлебопашца — Архип Волков и Иван Окша. Они никогда не видели друг друга, не знали о существовании один другого, но волей случая оба стали моими прадедами: один по мужской линии, другой — по женской.

Архип Волков родился в предгорьях Алтая, в селе Секисовском (бывший Сеитовский редут укрепленной линии, протянутой от Иртыша к Оби). Архип был современником Пушкина и Крылова, Гоголя и Лермонтова, но никогда не слышал этих великих имен: из всех жителей Секисовки грамоту знали только поп да сельский писарь.

Деревня была старообрядческая, с патриархальными нравами, со строгим бытом. Даже во времена моего детства куренье считалось там смертным грехом. Повиновение младших старшим являлось непреложным законом: кряжистые мужики с бородой до пояса свято почитали главу семьи — престарелого деда и слушались каждого его слова, каждого знака.

Жители Сосновки, Бобровки, Черемшанки и других окрестных деревень именовались в округе «поляками». Откуда взялось такое прозвище?

При царе Алексее Михайловиче (1645–1676) притесняемые усердными приверженцами патриарха Никона многочисленные группы раскольников-поморов, обитателей нашего европейского севера, покинули родные края и переселились в Стародубье¹ и на Ветку², в пределы тогдашней Польши. Туда они перенесли богослужебные книги, не испорченные никонианскими новшествами, и заветный обычай креститься двуперстно; туда же, в польские пределы, унесли мои предки свой характерный северный говор. Около столетия прожили выходцы с Поморья в окрестностях Ветки, а потом Ветка с ее многочисленными скитами по разделу Польши отошла к России.

По распоряжению Екатерины II генерал Маслов с двумя солдатскими полками окружил старообрядческие скиты на Ветке. Было захвачено 20 000 мужчин и женщин, детей; длинные обозы потянулись в далекую Сибирь. Там мужики и парни были поверстаны в солдаты, из них составились гарнизоны крепостей, редутов и шанцев укрепленной Обско-Иртышской линии. Солдатские семьи селились тут же, рядом. Так возникали деревни, пустынный край заселялся, а пришельцы получили прозвище «поляков» в память о тех краях, откуда привела их царская воля.

Помещиков в Сибири не было, крестьяне считались государственными, государству принадлежала и земля, на которой они обосновались, ее было в достатке. Каждая семья пользовалась многими десятинами³ за не слишком обременительный оброк. Хватало и лугов для разведения скота, на горах в изобилии росли леса.

Архип и Марья Волковы вырастили шестерых сыновей и двух дочерей. Большаком был Михайло, мой дед. Я помню низенького седого старика с реденькой бородой, с морщинистым лицом. Помню его избу с потемневшими от времени стенами, с иконами в переднем углу, с большой русской

¹ Стародубье — ныне район Брянской области.

² Ветка — остров на реке Сож Гомельской области в Белоруссии.

³ Десятина — старинная русская мера земли, равна 1,09 гектара.

печью, с обширными полатями¹, где находили пристанище мы, ребятишки.

Но пора рассказать о другом моем прадеде — Иване Окше. Если я мог проследить род Волковых чуть ли не до эпохи первых русских покорителей Поморья, то об этом моем прадеде я знаю очень немного, и этим немногим я обязан рассказам матери.

Думается, что среди предков украинского парубка Ивана Окши (а значит, и моих!) были и буйные гайдамаки, пересекавшие на валких дубах Черное море и громившие турецкие берега, и чубатые запорожцы, сподвижники Тараса Бульбы. Но не буду фантазировать: в своем рассказе я основываюсь только на фактах.

В те времена, когда жил Иван Окша, бывая украинская вольность отошла в прошлое, звонкое слово «Украина» заменилось сухим официальным именованием «Малороссия», а народ был закрепощен.

Восемнадцатилетнего парня Ивана Окшу помещик сдал по раскладке в солдаты, и пришлось бедолаге четверть века тянуть тяжелую солдатскую лямку. У вод широкого Дуная сражался Иван с турками, в ущельях Кавказа воевал Шамиль², а когда дали солдату чистую отставку, а с ней и волю, он глубоко призадумался:

«Сесть на землю к помещику? Закрепостить будущих детей? Или идти в лакеи к барину, низко гнуть перед ним спину? Но я и вражьи пулям не кланялся...»

И закинул отставной солдат за спину котомку с краюхой хлеба и десятком вареных яиц и зашагал напрямик в Сибирь, где, по слухам, жилось простому люду малость полегче, хоть и ссылал туда царь борцов за народное счастье.

¹ Полати — настил из досок, устраивался под потолком на расстоянии 50–60 сантиметров от него.

² Шамиль (1798–1871) — талантливый руководитель освободительного движения кавказских горцев против завоевательной политики русского царизма. Эта борьба продолжалась несколько десятилетий. В 1859 году Шамиль с остатками войска был осажден в ауле Гуниб и сдался русским. (Примечание автора.)

Иван Окша обосновался на берегу быстрого Иртыша, неподалеку от Омска, женился, пахал землю, растил детей. Его дочь Саша вышла замуж за статного, рослого Петра Ивановича Пономаренко, которого в Сибири волостной писарь переименовал просто в Пономарева.

Александра Ивановна Окшина-Пономаренко была моей бабушкой по матери. В поисках лучшей доли Петр Пономаренко двинулся на Алтай. Уже в зрелом возрасте завел он немудрящую водяную мельничку в Секисовке, где больше века множился род Волковых, населявших чуть не полдеревни. Здесь, на южном Алтае, у подножия величавой горы Гладень, суждено было встретиться потомкам Архипа Волкова и Ивана Окши.

Старший сын Михайлы Архипыча, Мелентий, по достижении призывного возраста был взят в армию, это случилось в 1882 году. Попал Мелентий в пехоту, в батальоне его определили в учебную команду, где готовился младший комсостав — ефрейторы, унтер-офицеры. У Мелентия Волкова оказались блестящие способности, огромная тяга к учению. Офицеры поражались быстрому развитию крестьянского парня из глухой старообрядческой деревни. Мелентий вскоре заработал три белые нашивки на погоны³, и начальство поговаривало о том, что стоило бы послать способного служаку в офицерскую школу. Но не стерпел молодой унтер-офицер, дерзко ответил на грубое слово начальника, и офицерская школа стала для него такой же далекой, как звезды на небе. Разжалованный унтер хотел пустить себе пулю в лоб, одиноко стоя в ночном карауле. Но подумал о том, что вся его жизнь еще впереди, и решил: «Если мне не судьба получить образование, будут учиться мои дети».

За год до окончания службы Мелентий чудом спасся от гибели. Служил он тогда в гарнизоне города Верный (ныне Алма-Ата) и пережил знаменитое верненское землетрясение 28 мая 1887 года. Жертвы насчитывались тысячами, все каменные дома в городе разрушились. Рухнула и сол-

³ Три белые нашивки носили старшие унтер-офицеры.

датская казарма, тяжелая потолочная балка, упав наискось, прошумела над головой Мелентия. Таща на себе товарища с раздробленными ногами, солдат с трудом выбрался из развалин...

Через год отслуживший свой шестилетний срок солдат вернулся в родную Секисовку. Михайла Архипыч с нетерпением ожидал старшего сына, наследника хозяйства. Мелентий женился, но девушку взял не из своих, деревенских. Его любовь завоевала веселая, светлокосая Соломея Пономаренко с мягким украинским говором, с плавными движениями, задушевно певшая грустные украинские песни.

Мелентий не оправдал отцовских надежд: после долгих раздумий и колебаний он объявил Михайле Архипычу, что уходит в город, на сверхсрочную солдатскую службу.

— На легкие хлеба захотел? — ядовито спросил старик.

— Фельдфебелем¹ обещали взять. Тоже нелегкий хлеб, зато детей выучу.

Невзрачный низенький старик с сивой головой точно вырос, преобразился. Он величаво произнес:

— Нет тебе моего благословения на уход! И коли покинешь дом, пусть ноги твоей больше здесь не будет!

Произошла тяжелая сцена. Бабка Аксинья и молодуха Соломея заголосили, хватая мужей за руки, падали перед ними на колени, умоляли помириться. Но Михайла и сын его были настоящие упорные сибиряки: ни тот, ни другой не отступили от своего решения. Мелентий сурово бросил молодой жене: «Собирайся!» Он молча вышел из родительской избы и в трескучую зимнюю стужу повел Соломею в Усть-Каменогорск, за сорок верст. Бабка Аксинья, рыдая, бежала за сыном до околицы и там, перекрестив его в последний раз, долго стояла, пока две смутные тени не исчезли в морозной дымке...

Отец с сыном помирились только через два года, когда родился Саша, первенец в многодетной семье Мелентия Волкова. Случилось это 14 (1) июня 1891 года.

¹ Фельдфебель — воинское звание, соответствующее теперешнему старшине.

Я не мыслю свое детство без книги. Читать я выучился необычайно рано, на четвертом году жизни. По требованию мамы папа учил ее грамоте, а я вертелся около и запоминал буквы.

В пять лет я уже читал толстенные томики Майн Рида в приложении к журналу «Вокруг Света», который мы получали в 1896 году. Теперь я удивляюсь, как папа на свое скудное фельдфебельское жалованье умудрялся ежегодно выписывать какой-нибудь журнал: то «Вокруг Света», то «Ниву», то «Природу и Люди», то «Родину»... В конце концов, из приложений к этим журналам у нас составила порядочная библиотечка.

Уютно устроившись на печке, я катил по американской прерии тачку вместе с Патрикой и Шур-Шотом («Пропавшая сестра» Майн Рида), странствовал на плоту по бескрайнему океану («Приключения юнги Вильяма»), разгадывал зловещую тайну «Всадника без головы»...

Я был ежедневным гостем в казарме, куда меня привлекали пестрые брошюрки «Солдатской библиотеки» Тхоржевского. Я читал патриотические рассказы о Суворове, Кутузове...

Меня восхищали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Алексея Толстого; в семь-восемь лет я знал множество их произведений наизусть. С каким весельем, а по временам с сердечным трепетом читал и перечитывал я гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки»...

Да, папа добился своего: несмотря на его ничтожное фельдфебельское жалованье, несмотря на то, что маме приходилось прирабатывать шитьем солдатских рубах по восемь копеек за штуку, наша семья стала культурной, отец увел нас от «деревенского идиотизма». Книги и журналы скрашивали наши досуги.

А сколько сказок знала мама, какими бесчисленными историями занимала она нас, детей, в долгие зимние вечера, сидя за шитьем...

Тесная комнатка. Уютно горит керосиновая лампа, освещающая морозные узоры на темном стекле окна. Папа, как всегда, в казарме, мы одни. Младшие спят, а мы с Петей жмемся к маме, и она заводит таинственным голосом:

— Это случилось в доме Иртышевых...

Мы с Петей знаем длинный, покосившийся дом с заколоченными окнами на берегу Ульбы. Он пользуется недоброй славой, вы проходим мимо него со страхом и, оставив позади, припускаемся во весь дух. А мама рассказывает страшную историю о том, как в отсутствие господ и слуг глупая девочка-судомойка впустила в дом, тогда еще новый, грабителя, и как этот грабитель, забрав драгоценности, заносил над девочкой нож... Мы с Петей трясемся от ужаса и плотнее прижимаемся друг к другу.

Десятки лет спустя я прочитал этот рассказ у Погосского¹. Конечно, его действие происходило не в нашем скромном городке, а чуть ли не в Москве. Но талантливая рассказчица с каким-то особым искусством повертывала история так, что она становилась необычайно близкой и яркой, хватала за душу, переживалась с удивительной силой.

А как мама рассказывала «Аэшу» Хаггарда!² Больше трех четвертей века прошло с той поры, а я как будто слышу гулкие шаги маленькой группы искателей сокровищ в мрачном подземелье, освещенном багровым светом факелов, я вижу, как сорванное с плеч Аэши белое покрывало устремляется в бездонную пропасть...

Множество забавных и страшных рассказов вынесла мама из своего деревенского детства, и, даже став взрослыми, мы, ее дети, слушали их с неослабевающим интересом. Думаю, что писательскую фантазию, помогавшую мне в работе, я унаследовал от матери. Отец при всех его огромных способностях знал одну только сказку про Фениста — Ясна сокола; мы много раз слушали ее и знали наизусть.

Годы шли. Кончились веселые рыбалки, беззаботные прогулки по горам, где весной мы собирали огромные букеты

¹ Александр Фомич Погосский (1816–1874) — русский литератор, прекрасно знавший народный и солдатский быт. Писал для народа, его произведения высоко ценились критикой.

² Генри Райдер Хаггард (1856–1925) — английский писатель и юрист, автор многочисленных приключенческих романов с острым, занимательным сюжетом.

цветов. Ясным сентябрьским днем 1899 года папа за руку повел меня в городское училище. Приближаясь к двухэтажному каменному зданию, я смотрел на него с почтительной робостью, и мне казалось, что оно по своему величию не уступает дворцам, о которых я читал в книгах. Мог ли я тогда вообразить, что через двадцать лет в этом самом училище под моим началом будет коллектив из многих учителей и несколько сот учеников?

Мы прошли в учительскую, где инспектор Александр Иванович Михайлов проэкзаменовал меня. Стоя с опущенной головой у большого стола, покрытого зеленым сукном (сколько потом заседаний педагогического совета провел я, председательствуя за этим самым столом!), я бойко читал страницу из «Родного Слова» Ушинского³.

— Отлично, превосходно! — восклицал добрейший Александр Иванович.

— А я и по-письменному могу! — ободренный успехом, похвалился я.

Прежде чем меня успели остановить, я откинул корочку книжки и стал читать неровные строчки, написанные корявым детским подчерком:

— Сия книга принадлежит, никуда не убежит. Кто возьмет ее без спросу, тот останется без носу. Кто возьмет ее без нас, тот останется без глаз...

— Довольно, Саша, довольно! — рассмеялась молоденькая учительница Таисия Георгиевна Новоселова. — Видим, что умеешь...

Я прочитал наизусть несколько молитв, показал хорошее знание таблицы умножения...

— Во второй класс, — был приговор учителей.

Так я сразу перешагнул через целый год учебы, а при скудных папиных средствах это значило очень много. Меня зачислили в класс Таисии Георгиевны, она стала моей первой учительницей, и я навсегда сохранил о ней добрую память.

Учился я отлично, из класса в класс переходил с наградами.

³ «Родное Слово» К.Д. Ушинского было в те времена самой распространенной книгой для чтения в начальных классах.

И вот мне 13 лет, в руках у меня аттестат городского училища, дававший в те времена немалые житейские преимущества: льготу по воинской повинности, право на первый классный чин (помните, как держал экзамен на чин почтовый чиновник в знаменитом рассказе Чехова?), возможность сдать несложные испытания и стать сельским учителем...

И все эти блага маячили передо мной в довольно-таки отдаленном будущем. Сельским учителем можно было стать лишь в 16 лет. На государственную службу принимали в 18, в армию призывали и того позже. Аттестат с круглыми пятерками только тешил глаз и был повешен на стену в красивой рамке под стеклом.

Для моих однокашников по учебе дело с выбором профессии обстояло просто: они кончали городское училище в 16, 17, 18 лет. Учиться в те времена начинали поздно, лет в 10–11, за партами сидели лет шесть-семь, а то и все восемь. В годы моего ученья мои товарищи, рослые, сильные, играли мной, как котенком, перебрасывали с рук на руки, кружили в воздухе: я был очень мал ростом, легок.

Два года провисел мой аттестат на стенке; это время я провел дома, изнывая от тоски и находя единственное утешение в книгах, в сочинении корявых детских стишков и в выпуске ежемесячного литературно-художественного журнала «Мои досуги», где я был единственным автором, художником, типографщиком. А единственным его читателем и восторженным поклонником стал мой младший брат Петя.

Когда прошли эти тяжелые годы, я снова оказался в городском училище, на этот раз как «практикант для подготовки в учительский институт». Наверное, это выглядело очень смешно, когда малыш важно входил с классным журналом под мышкой к ребятам, которые были и выше и сильнее его, да и годами не очень уступали юному «практиканту».

Если бы моя юность проходила в Усть-Каменогорске теперь, в семидесятых годах XX века, то я за 15 минут дошел бы от своей квартиры до педагогического института, чтобы отдать документы секретарю приемной комиссии. А в те

далекие времена, в 1907 году, мне пришлось поехать за две тысячи верст — держать конкурсный экзамен в Томский учительский институт, открывшийся только в предыдущем году и производивший свой второй набор. В России в ту пору учительских институтов было всего десять, и потому конкурс оказался очень большой. Но я сдал все экзамены на пятерки и в списке принятых на казенную стипендию числился первым. Какое восторженно-хвастливое письмо написал я в Усть-Каменогорск, своим учителям. Ведь это они дали мне такие основательные знания и вправе были гордиться моим успехом.

Многое мог бы я рассказать о Томском учительском институте, который наш директор, умный и дальновидный воспитатель Иван Александрович Успенский, сумел превратить в спасительный островок в черном море реакции, наступившей после революции 1905–1907 годов, но рамки моего повествования не позволяют этого сделать. Скажу лишь, что институт давал своим питомцам основательные знания в объеме всех предметов средней школы и умение эти предметы преподавать. Я окончил институт в 1910 году с дипломом учителя городского училища и младших классов гимназии.

С назначением мне повезло: меня послали в городок Кольвань Томской губернии. В Кольванском четырехклассном городском училище было всего 70 учащихся — просто благодать для 19-летнего юнца, впервые севшего за учительский стол. А самое главное — инспектором училища был Михаил Николаевич Осинин, человек большой души, прекрасный педагог, чуткий наставник молодых учителей. Как он, не оскорбляя самолюбия, указывал на твои ошибки, как умело учил овладевать доверием мальчишек и девчонок (училище было смешанное, редкость в те времена!). Свои педагогические навыки я получал от Михаила Николаевича, и пронес их через всю свою почти полувековую педагогическую деятельность.

После Кольвани я больше десятка лет проработал в родном Усть-Каменогорске, а следующей ступенькой оказалось заведование Опытной-показательной школой имени М. Горького при Ярославском педагогическом институте.